

А. Г. Новожилов

НАСЕЛЕНИЕ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО КРАЯ МЕЖДУ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

На протяжении нескольких столетий, по крайней мере с XVI в., вокруг Псково-Печерского мужского монастыря складывалась специфическая группа, отличавшаяся от соседнего русского и эстонского населения. Эта группа включала как сету (говорящих на диалекте эстонского языка), так и русских. Ее бытование до 1920 г. можно описать по целому набору признаков: русско-эстонскому двуязычию; специфике основных объектов материальной культуры (орудия труда, жилище, повседневная одежда, рацион); социально-экономической сети, сложившейся вокруг Псково-Печерского монастыря; единству круга календарных праздников и общности обрядов жизненного цикла. Позже под влиянием национальной политики Эстонии в 1920–1970-е годы произошла ассимиляция сету. Автохтонное русское население частью покинуло край, частью растворилось в потоке русских переселенцев, усилившемся в 1990–2000-е годы в связи с актуализацией российско-эстонской границы. На национальную политику оказывало прямое влияние научное изучение сету. Формирование представлений о сету как архаических эстонцах, сложившихся в XIX — начале XX в., не отражало в целом ситуации, но породило доктрину о необходимости превратить их в цивилизованных эстонцев. Появление идеи о том, что сету — субэтнос эстонского народа, совпало с периодом их полной этнокультурной ассимиляции, а оформление национально-культурной автономии сету в Эстонии и признание коренным малочисленным народом в России — с полным исчезновением этой группы в системе социально-экономических и культурных связей Псково-Печерского края по обе стороны границы. В то же время на рубеже XX–XXI вв. мы видим активизацию деятельности профессиональных этнофоров, развивающих музейную и фольклорную деятельность в области создания сетуских меморатов. Такая реконструкция отнюдь не отражает возрождения сетуской культуры, а лишь является культурным фоном политических событий в российско-эстонском пограничье. Библиогр. 53 назв.

Ключевые слова: Псково-Печерский край, этнокультурные процессы, национальная политика, этнографическое описание, этнолокальная группа, сету, русские, эстонцы.

Для цитирования: Новожилов А. Г. Население Псково-Печерского края между этнокультурной традицией и национальной политикой // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 186–200. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.114

A. G. Novozhilov

THE POPULATION OF PSKOVO-PECHERSKIY REGION BETWEEN ETHNOCULTURAL TRADITION AND NATIONAL POLITICS

Over several centuries, from at least the 1600s, a specific group was forming in the locality near the Pskovo-Pechorskiy monastery that differed from the surrounding Russian and Estonian population. This group included the Setu (who spoke an Estonian dialect) and Russians. Their mode of life as a native minority until 1920 can be described with the set of distinguishing features: Russian-Estonian bilingualism, material culture (tools, dwellings, clothes, diet), the social-economic network that developed around Pskovo-Pechorskiy monastery, a unity in the cycle of national holidays and common rites

Новожилов Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; novogilov@mail.ru

Novozhilov Aleksei Gennagievich — PhD, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; novogilov@mail.ru

Исследование выполнено за счет Гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

of passage. After 1920 (1920–1970), under the influence of Estonian national politics, the assimilation of the Setu took place. One part of autochthonous Russian population left this region, another part has dissolved in the stream of Russian migrants, whose amount increased from 1990–2000 due to the solidification of the Russian-Estonian border. The scientific investigation of the Setu influenced national politics. The formation of the late 19th and early 20th century conception that the Setu were archaic Estonians did not reflect the situation as a whole but gave birth to a doctrine about the necessity of transformation of the Setu into civilized Estonians. The appearance of the idea that the Setu is a subethnos of Estonians coincided with the process of their complete cultural assimilation. The formalization of national-cultural autonomy of the Setu in Estonia and their admission as an aboriginal native minority in Russia coincided with the total disappearance of this group in the system of social-economic and cultural relations of the Pskovsko-Pechorskiy area on both sides of border. At the same time the turn of 21st century saw the activation of the work of professional ethnic representatives who develop museum and folkloristic activity in the sphere of developing Setu memory. This reconstruction does not reflect renewal of Setu culture but is merely the cultural background of political events on the border between Russia and Estonia. Refs 53.

Keywords: Pskovo-Pechorskiy region, ethnocultural process, national politics, ethnographic description, ethnocultural group, Setu, Russians, Estonian.

For citation: Novozhilov A.G. The population of Pskovo-Pechorskiy region between ethnocultural tradition and national politics. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 186–200. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.114

На протяжении нескольких столетий, по крайней мере с XVI в., вокруг Псково-Печерского Свято-Успенского мужского монастыря складывалась специфическая группа, отличавшаяся и от русского, и от эстонского населения, проживавшего по соседству. Указанная группа находилась в зоне встречного колонизационного движения носителей различных этнокультурных традиций: южноэстонской с запада и русской с востока. На этом и заканчивается набор неоспоримых фактов.

Все остальное спорно: была ли преемственность между населением XVI в. и более ранними насельниками региона, было ли древнее население гомогенным или нет, какова его этнокультурная окраска — финно-угорская, славянская или балтская, — эти вопросы продолжают дискутироваться в археологической и исторической литературе [Аун 1980; Ligi 1993; Setumaa kogumik 1. 2003; Лопатин 2005; Седов 2007; Laul, Valk, Siksälä 2007; Setumaa 2. 2009; Kiristaja, Lillak 2012; Аун, Киристая 2013]. Даже собственно этнографическая литература о сету в большей степени заточена на реконструкцию этногенетических процессов и анализ происхождения отдельных элементов их традиционной культуры [Рихтер 1959; Рихтер 1961; Рихтер 1996; Хагу 1983; Пихо 1997; Засецкая 1998].

Нас же в данном случае интересуют только те факты и интерпретации, которые верифицируются полевыми этнографическими исследованиями, т. е. материалы от середины XIX в. до сегодняшнего дня. В статье речь пойдет о сопоставлении, с одной стороны, этнографических данных указанного периода, собранных в Псково-Печерском крае и нашедших отражение в специальной литературе и полевых отчетах, а с другой — о теоретических оценках сету и русского населения края, определявшихся развитием науки, общественной и политической мысли. Такое соотношение будет рассмотрено поэтапно от периода зарождения интереса к этому региону во второй половине XIX в. до сегодняшнего дня, когда пограничная территория стала предметом дискуссий, в том числе и политических. Перед нами не стоит задача дать какую-то новую оценку выделяющейся своеобразием группе на-

селения (поставить на ней новый «штамп» — эстонский, русский или самостийный сетуский), а предлагается сравнить этнографическое описание и теоретические подходы к анализу феномена культуры пограничной группы.

К середине XIX в. в пределах Псковского уезда, вдоль его границы с северной частью Лифляндской губернии (этнически эстонской), сформировалось население, которое попало в фокус зрения этнографических наблюдений в силу своей лингвистической, фольклорной и этнокультурной специфики. С лингвистической точки зрения это население заинтересовало использованием в быту двух языков — русского (относящегося к псковским говорам) [Вводная статья 1967; Костючук 2007] и эстонского (сетуский говор вырусского диалекта) [Каск 1956], с точки зрения фольклористики — обнаружением большого количества песенных памятников на сетуском говоре, а в этнокультурном плане — наличием у части населения (преимущественно эстоноязычного) специфического женского праздничного убора, не имеющего прямых аналогов ни с псковской, ни с лифляндской стороны границы. Именно эти оригинальные черты вызвали интерес к данному населению у трех энтузиастов того времени — немецкого путешественника Х. И. Ю. Шлегеля, эстонского поэта Ф. К. Крейцвальда и русского чиновника М. Л. Миротворцева.

Характер их сообщений различается, что определяется, по выражению М. Л. Засецкой, различными культурно-гносеологическими установками авторов [Засецкая 2011]. Шлегель определяет насельников Псково-Печерского края как эстов-переселенцев времен Северной войны, при этом опирается на свидетельство местного крестьянина [Засецкая 2011, с. 307]. Крейцвальд увидел здесь псковских эстов, коренных жителей региона, которые «с железным упорством цепляются за старину» [Засецкая 2011, с. 308]. Наконец, Миротворцев узрел в них «полуверцев» — православных эстонцев, живущих здесь издавна, не до конца принявших православную веру и сохраняющих пережитки язычества [Миротворцев 1860]. Нетрудно заметить, что позиции Крейцвальда и Миротворцева расходятся только в частности. Они прежде всего видят то, что бросается в глаза. Наиболее яркая «экзотика» заключается в следующем: эстонская речь вкупе с православием, оригинальный женский праздничный костюм и набор серебряных украшений, поклонение деревянному изображению Николы Чудотворца и обширный оригинальный фольклор. И все это интерпретируется как архаика, восходящая к древним эстам.

Такой подход сохранился практически во всех исследованиях культуры сету второй половины XIX — начала XX в. вне зависимости от языка описания. Эстонские исследователи Х. Хартман (введший этноним «сету» в научный оборот), Я. Хурт, В. Бук акцентировали свое внимание на увязывании экзотических черт культуры сету и своих представлений о древностях эстонцев: находили параллели в фольклоре и материальной культуре; искали прошлое эстонцев в культуре сету [Hartmann 1860; Hurt 1904; Гурт 1905; Buck 1909]. Особенно важно, что все эти ученые подчеркивали полное отсутствие общности сетуского и русского населения Псково-Печерского края.

Русские исследователи, работавшие в русле православной миссионерской литературной традиции, также обращали пристальное внимание на архаичность и экзотичность сетуской группы, но настаивали на том, что «полуверцы — истинные дети Православной церкви» [Трусман 1890; Лебедев 1891; Об эстах... 1894]. Они, как и эстонские ученые, видели разницу между русскими и сету. Единствен-

ное исключение — относительно поздняя работа Ю. Ю. Трусмана, в которой он настаивает на позднем появлении предков сету (XIV–XV вв.) в Псково-Печерском крае и обращает внимание на большое количество черт культуры, объединяющих русских и сету [Трусман 1897].

Игнорирование очевидных общих черт в культуре населения Псково-Печерского края отнюдь не было сознательным подлогом. Помимо культурно-гносеологических установок на реконструкцию древней эстонской национальной культуры или превознесение успехов православной миссии в деле просветления язычников играла роль и степень экзотичности отдельных черт культуры сету, прежде всего праздничной. Скажем, более очевидные для этнографов прибалтийские этнографические черты повседневной культуры — подвесной котел над печью, греющийся на открытом огне, или встречающиеся вдоль лифляндской границы жилые риги [Рихтер 1954] — не фигурируют в описаниях этого времени.

И все же следует признать, что население Псково-Печерского края представляло собой этнолокальную группу с четко выраженной общностью традиционно-бытовой культуры, где наличие сетуской языковой составляющей лишь делало эту группу предельно оригинальной по отношению к соседним псковским группам. Основными чертами внутреннего сходства группы были: русско-эстонское двуязычие; общая специфика основных объектов материальной культуры (орудия труда, жилище, повседневная одежда, рацион); социально-экономическая сеть, сложившаяся вокруг Псково-Печерского монастыря; единство круга календарных праздников и общность обрядов жизненного цикла. И на рубеже XIX–XX вв. эта группа была в наибольшей степени очерчена, поскольку последующие процессы привели к ее аннигиляции [Новожилов 2009]. Об этом позволяют судить методически более выверенные полевые исследования 1920–1960-х годов, обращенные, как было принято тогда, в недавнее прошлое. Выводы строились на сборе интервью пожилых жителей края, юность которых приходилась как раз на рубеж XIX–XX вв., и на анализе остатков материальной культуры того же времени [Manninen 1924; Рихтер 1954а; Рихтер 1954в; Рихтер 1959; Рихтер 1961; Рихтер 1979; Шенников 1960].

Что же способствовало поддержанию специфической этнокультурной ситуации? Прежде всего чересполосица расселения, при которой ни одна из языковых групп не создавала компактной зоны, расселялись внешне бессистемно, что отражало длительный процесс встречного переселенческого движения. Главным регулятором и центром расселенческого, социального и экономического притяжения был Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь.

Для поддержания коммуникаций внутри такой системы требовалось двуязычие. По свидетельству Ю. Ю. Трусмана, двуязычны были мужчины, чьим родным языком был сетуский говор, а приобретенным (для религиозных и торговых нужд) — псковский. Среди русских встречались знающие сетуский говор, особенно в северных приходах около Псковского озера [Трусман 1897, с. 36–37], где промысловое хозяйство носило артельный характер. По всем основным этнографическим характеристикам — хозяйственным циклам, рациону, поселенческо-усадебным комплексам, мужской и женской повседневной одежде, циклам календарных и семейных обрядов, семейно-брачным нормам и моделям общежития никаких различий ни внутри этой группы, ни по отношению к населению других частей Повеличья (центральная часть Псковской губернии) не было [Новожилов 2009].

В этнографическом плане группа, конечно же, не была монолитной. Ярко выделялся, как уже отмечалось, женский праздничный убор, идентифицировавший сетуских женщин и включавший закрытый сарафан темных цветов, демисезонный белый приталенный армяк (рютель) и обильные серебряные нагрудные украшения (бляха-сильд и многочисленные мониста). Отличалась и фольклорная традиция сету, богатая песенными и эпическими образцами.

Этнокультурной нивелировке способствовала и экономическая ситуация рубежа веков. Экономика изучаемых районов мало чем отличалась от экономики таких же волостей Псковского и Островского уездов, образовывавших центр Псковской губернии [Верняев 1998]. Крестьяне продолжали держаться земли, хотя в большинстве случаев необходимо было заниматься либо отходничеством, либо промыслами.

В целом следует признать, что на рубеже XIX–XX вв. исследователи, явно озабоченные идеологическими задачами, уделяли внимание частностям, хорошо укладывавшимся в их концепции, и игнорировали целое. То есть они не видели группу, определяющуюся общими хозяйственно-культурными, бытовыми и сакральными характеристиками.

До поры до времени оценки этнографов не играли никакой социальной или политической роли. Однако революция 1917 г., Гражданская война и обретение Эстонией независимости внесли свои коррективы в процесс существования этнолокальной группы Псково-Печерского края. В 1920 г. были подписаны Тартуский договор с Эстонией (2 февраля) и Рижский — с Латвией (11 августа), по которым РСФСР сделала значительные территориальные уступки этим государствам. В частности, в составе Эстонии появился Печорский уезд (Петсеримаа) с основным русским и сетуским населением, а в Латвии — Абренский уезд с преимущественно русским населением.

Политика молодых государств в отношении населения присоединенных территорий различалась. Эстонское правительство воспринимало Псково-Печерский край как исконную эстонскую территорию [Рихтер 1979], в середине I тыс. н. э. занятую русскими, ассимилировавшими местное финно-угорское население. Такое отношение основывалось на работах уже указанных деятелей национально-возрождения, собиравших фольклорный и этнографический материал в среде сету. Практический выход из ситуации был очевиден: сету должны были «догнать» в культурном развитии эстонцев, т. е. получить обязательное начальное образование на эстонском литературном языке (6 классов) и продолжить его в эстонских гимназиях; иметь возможность быть прихожанами православных приходов на эстонском языке и использовать церковные служебные книги на том же языке. Обратной стороной медали было запрещение использования говора сету в официальных ситуациях, например в школе, даже во внеучебное время [Экспедиционный отчет... 1997, с. 9]. В быту также приветствовалось использование эстонского языка. Говор сету сохранялся только для культурно-просветительских нужд: проведения фольклорных праздников и деятельности в помощь сбору историко-этнографических материалов.

Таким образом, языковая ассимиляция открывала социальный лифт для всех, кто овладел эстонским литературным языком (прежде всего для сету). Следствием стало формирование собственной интеллигенции в Печорах и отток населения

во внутренние уезды Эстонии. Тем не менее основная масса крестьян продолжала придерживаться сетуского говора в быту и хозяйственных операциях на территории Печорского уезда.

Русским в Эстонии, в соответствии с законом 1925 г., предоставлялось право культурной автономии. Однако из всего спектра прав русские Печорского района пользовались только правом получать начальное и среднее образование и отправлять религиозный культ на русском языке [Экспедиционный отчет... 1997, с. 8]. Среди русских встречались знающие как эстонский литературный язык, так и сетуский говор, что подтверждается материалами Маркуса [Markus 1938]. Латвийское правительство пошло еще дальше, объявив русских восточных уездов русскоязычными латышами и переименовав Абренский уезд в Яунтлатгальский (т.е. Ново-Латгальский) [Эстония и Россия... 1998, с. 48–56].

Важным аспектом национальной политики стали аграрные реформы в Эстонии и Латвии начала 1920-х годов (в Латвии — также повторной реформы середины 1930-х годов). Деревенская система с земельными переделами и помещичьими угодьями была разрушена. За образец была принята хуторская модель, характерная для Эстонии и западных и центральных областей Латвии, которая предусматривала формальный центр поселения, представлявшего собой сумму разбросанных по частновладельческим участкам отдельных усадеб. Такая модель в большей степени выполняла функции привития ценностей аграрного прибалтийского общества, чем даже языковая и образовательная политика [Новожилов 2003]. В повседневной жизни к сету, не стремившимся эстонизироваться, относились весьма высокомерно. В науке они по-прежнему оценивались как архаическая группа эстонского народа, которая очень интересна для исследователей, но стремительно сокращается, что соответствует общим цивилизационным процессам.

Общий итог развития псковско-печорской этнолокальной группы в 1920–1930-е годы таков: с одной стороны, активная ассимиляция эстонцами сету приводила к разрыву этнокультурного пространства — у эстоноязычного населения были свои школы, приходы, литература и средства массовой информации, хуторская же изоляция углубляла разрыв традиционных хозяйственно-культурных коммуникаций; с другой стороны, под влиянием национальной политики эстонского и латвийского правительств начинается формирование специфической группы русского населения в приграничной зоне и Эстонии, и Латвии (граница между ними была легко преодолима), этнокультурным ориентиром для которой служит Псковско-Печерский монастырь.

В 1944 г. была проведена новая лимитация границы, в состав РСФСР были возвращены территории, отошедшие в 1920 г. к Латвии (все) и Эстонии (все в пределах Ленинградской области, исключая 440 кв. км в пределах Печорского района Псковской области). Это исключение составили 4 сельсовета, населенных преимущественно сету, определявшимися в согласительных документах как эстонцы [Акты согласительной комиссии...]. Принципы разделения обоснованы Согласительной комиссией, в которую входили в том числе и ученые-этнографы. Эти принципы были изложены позже в научных трудах [Кушнер (Кнышев) 1951]. Для более быстрого включения возвращенных территорий в ритм советской жизни сюда были направлены специалисты из внутренних районов Псковской области. Их приток быстро изменил этнокультурную ситуацию. Показательно, что особая социальная

и экономическая политика в отношении вновь присоединенных прибалтийских территорий (широкое кредитование, ограниченное налогообложение, социально-культурное строительство и т. д.) не распространялась на воссоединенные приграничные районы Псковщины¹. Наоборот, по отношению к территориям, вошедшим в состав Пылваского района Эстонской ССР, все указанные льготы сохранялись, что создавало известное экономическое неравноправие между жителями некогда единых приходов.

Однако в плане национальной политики особых различий не наблюдалось, что опять же отражало отношение к сету как к эстонцам — титульной нации союзной республики. И в РСФСР, и в ЭССР они фиксировались во всех документах: паспортах, книгах отделов ЗАГС, похозяйственных книгах как эстонцы. В Печорах на базе эстонской гимназии была сформирована средняя образовательная национальная школа с преподаванием предметов на эстонском языке. Сохранялось два эстонских православных прихода в Печорах и Малах. На территории Эстонии между сетуским населением и эстонцами-лютеранами никаких отличий не делалось. Для русских же были созданы начальные русские школы. Дальнейшее образование можно было продолжить в соседнем Печорском районе [Полевые материалы автора 2002 г.].

Оценка сету в науке в 1950–1970-е годы усложняется. Появляются две крайние точки зрения: 1) сету — субэтнос эстонского народа, с соответствующими принятыми в советской этнографии характеристиками — диалектом, групповым самосознанием, обособленной территорией, специфической культурой [Рихтер 1979]; 2) сету — оригинальная в этническом отношении группа, хотя и представляющая собой потомков эстонских переселенцев в Псково-Печерский край, выработавшая специфический говор в результате изоляции и небольшого русского влияния [Mägiste 1957]. Кроме того, высказано большое количество промежуточных версий.

Реалии развития общества по обе стороны политически формальной границы разительно отличались от этих оценок. Основные процессы мы можем реконструировать на основе полевых исследований 1970–2000-х годов, в том числе и собственных (обзор публикаций см. [Засецкая 1999]). Определяющим фактором стала неблагоприятная экономическая ситуация. В 1950–1980-е годы пограничье с союзными республиками РСФСР и Эстонской ССР превратилось в глубокую экономическую и политическую внутреннюю периферию. Большинство сету Печорского района выезжали в Эстонию по причине более высокого жизненного уровня в прибалтийских республиках Союза. В зависимости от уровня образования и социальных ожиданий это мог быть переезд в эстонский колхоз, поступление в среднее профессиональное или высшее учебное заведение с последующей работой во внутренних районах Эстонской республики. Надо сказать, что часть сету, ориентированная на социальную мобильность (неформально ограниченную для них в Эстонии), предпочитала выезд в Псков и Санкт-Петербург. Сету, оказавшиеся на территории Эстонии, достаточно быстро воспринимали разговорный эстонский, жизненную

¹ Так, решением Исполнительного комитета Псковского областного Совета депутатов трудящихся от 10 апреля 1950 г. предлагалось в Печорском, Качановском и Пыталовском районах «утвердить нормы доходности по полеводству и животноводству до уровня действующих норм в РСФСР», а не на уровне, устанавливаемом Постановлением СМ СССР от 17 августа 1947 г. № 2874 «О сельскохозяйственном налоге в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» [О сельскохозяйственном налоге...].

модель и стереотип поведения эстонцев, к чему были подготовлены школьным образованием и пропагандой североевропейского стандарта жизненного комфорта.

Иначе обстояло дело с русскими. Во-первых, общность русского населения собственно Псково-Печерского края и территорий к югу от него, попавших в состав Эстонии и Латвии в результате волюнтаристского решения, исчезла. На смену горизонтальным связям населения и ориентации на Псково-Печерский монастырь пришла вертикальная модель «райцентр (Печоры, Пыталово) — областной центр (Псков) — региональный центр (Ленинград)». Началась и частичная замена русского населения. На смену уезжавшим учиться в крупные города в изучаемое нами приграничье приезжали специалисты (в области сельского хозяйства, медицины, образования) из Пскова и Ленинграда. Появился новый тип жителя, отличавшийся от автохтонных русских и получивший название «советского». С этого момента (начала 1960-х годов) можно говорить, что все процессы, происходившие в псковском пограничье, мало чем отличались от аналогичных процессов, протекавших во всей Псковской области. Особенность региона заключалась, пожалуй, только в близости прибалтийских республик. Родовые связи, территориальная близость и обеспеченность разнохарактерными дорогами, знание эстонского языка облегчали как единовременные поездки, так и переселение на временное и постоянное жительство в Прибалтику.

В целом можно сказать, что основные параметры этнотерриториальной группы Псково-Печерского края исчезли именно в 1950–1980-е годы. Наличие прямых и опосредованных через монастырь связей, густая сеть расселения, чересполосица сету- и русскоговорящих, большая доля сету, общие характеристики культуры и быта — все это нивелировалось именно в указанный период.

С 1970-х годов в Эстонии нарастает недовольство советским режимом, принимавшее ярко выраженные националистические формы. В 1980-е годы, по образному выражению П. Вареса, «история приходит в движение» [Эстония и Россия... 1998, с. 11]. По отношению к сету это означало отсутствие какой-либо альтернативы окончательной эстонизации. Да и по факту по обе стороны границы находились эстонцы. В 1990-е годы со стороны Эстонии начинается политическое давление в официальных и неофициальных формах с целью возвращения территорий, принадлежавших Эстонии в 1920–1930-е годы. Эстонские власти выдвигают лозунг «объединения Сетумаа в составе Эстонии». Та же политика видна и в проекте добровольного переселения сету в Эстонию [Полевые материалы автора 1998 г.]. Российское правительство и вовсе никакой национальной политики в 1990-е — начале 2000-х годов в приграничной полосе не проводило. Однако во второй половине 2000-х годов Минрегионом России были проведены консультации и мероприятия по выработке позиции в отношении сету. Результатом стало Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2010 г. № 453 о внесении сету в Единый перечень малочисленных народов России.

В научном плане оценка сету также изменилась. В эстонской научной среде сету оцениваются как фактор «живой старины», требующий всемерной поддержки, которую и оказывают фольклорным коллективам, музеям под открытым небом, книжной серии «Сетуская коллекция» [Setumaa kogumik 1. 2003; Setumaa 2. 2009]. В российской науке основной тенденцией следует считать признание сету отдельным народом [Хрущёв 1997; Новожилов, Хрущёв, Громова 1999; Алексеев,

Манаков 2005]. Есть версия, что именно граница актуализировала их этническую идентичность и сыграла решающую роль в процессе формирования сету как этноса: если бы этого не произошло, они остались бы «этнографической категорией» [Никифорова 1998]. Столь безапелляционное определение является элементом научно-политической дискуссии, тем более не очень ясно, что вкладывается в несколько презрительное понятие «этнографическая категория».

Современные этнокультурные процессы в приграничье в последние 25 лет происходят на фоне сокращения коренного сельского населения и как следствие — окончательного исчезновения этнотерриториальной группы Псково-Печерского края. В последние годы во всех пограничных районах идет интенсивная (более 15 % в год) депопуляция [Хрущёв 1996]. По большинству социально-экономических показателей сельское население пограничных районов уступает среднеобластному уровню. Очень мала роль крупных хозяйств. В этих условиях приграничное положение начинает выступать как спасение. Сначала в приграничье в 1990-е годы была трудоустроена волна переселенцев, обеспечивавших прежде всего таможенную и пограничную службы. В последнее время возникли принципиально новые отрасли занятости: миграционная служба и обслуживающие границу организации. Благодаря трансграничному сотрудничеству, а по сути, вывозу из ЕС вредных производств появляются промышленные предприятия (например, «Еврокерамика» в Печорах). Сохраняют свое значение заготовка и переработка древесины, пищевая промышленность [Новожилов, Хрущёв 2007].

На фоне этой ситуации следует признать, что от этнолокальной группы не осталось и следа. Уже к началу XXI в. какой-либо этнокультурной специфики у потомков сету не наблюдалось вовсе. В Эстонии сету — это вид культурной работы. В условиях сельской безработицы выступление в фольклорных коллективах и обслуживание музейных комплексов, а также создание инфраструктуры для обслуживания связанных с ними туристических маршрутов — вполне достойный заработок. Предоставление сету национально-культурной автономии в рамках «Королевства сету» делает регион туристически привлекательным и создает дополнительные рабочие места. Поэтому наблюдается активизация деятельности профессиональных этнофоров, развивающих музейную и фольклорную деятельность в области создания сетуских меморатов. Такая реконструкция отнюдь не отражает возрождения сетуской культуры, а лишь является культурным фоном политических событий в российско-эстонском приграничье.

В России разрозненные потомки сету часто не поддерживают между собой связи. Многие из них — пенсионеры, всю жизнь прожившие в Эстонии. Музейные и научные работники, вкуче с активистами национально-культурного движения, пытаются повторить эстонский опыт в рамках Изборского музея-заповедника, но явно уступают своим зарубежным коллегам.

Похожая ситуация — с коренным русским населением. В сельской местности преобладают дачники, коренные жители живут крайне разрозненно и не поддерживают горизонтальных связей. В Печорах преобладает приезжее население — как в демографическом плане, так и в социально-экономическом весе (в еще большей степени).

Очевидно, что этнолокальные группы не вечны. Они появляются и исчезают под влиянием внешних обстоятельств. Пограничное положение — одно из таких

весомых обстоятельств, способное породить из этнической смеси новое этнокультурное качество и также уничтожить это явление, растягивая группу по обе стороны границы. Именно такой пример и представляла собой этнолокальная двуязычная группа Псково-Печерского края. Определять хронологические рамки ее существования не входило в наши задачи. Однако в отношении периода середины XIX — XX в. можно сказать следующее.

До 1920 г. эта группа объективно существовала, и ее можно описать по целому набору признаков: двуязычием, обилию горизонтальных связей и наличию вертикальной связи с Псково-Печерским монастырем, общностью быта и хозяйственно-культурного цикла, яркими, экзотическими чертами праздничной культуры — в основном у говорящих на псковском говоре эстонского языка (сету), но и отчасти у говорящих на псковском говоре русского языка.

Затем под влиянием национальной политики Эстонской Республики и Эстонской ССР в составе СССР (в отношении сету эта политика не отличалась) произошла ассимиляция группы. Автохтонное русское население сначала принимало новые формы организации в качестве национального меньшинства (в 1920–1930-е годы), позже резко сокращалось (в 1950–1990-е годы), наконец, стало замещаться русскими выходцами из других регионов России (в 1940–1980-е годы — частично, с 1990-х годов — полномасштабно).

На национальную политику оказывало прямое влияние научное изучение сету. Однако беда заключалась в том, что это происходило с опозданием на эпоху и «в обратном направлении». Формирование представлений о сету как архаических эстонцах в XIX — начале XX в. не отражало в целом ситуации, но породило доктрину о необходимости превратить сету в «культурных эстонцев». Появление идеи о том, что сету — субэтнос эстонского народа, совпало с периодом их полной этнокультурной ассимиляции и этнодемографической депопуляции в Псково-Печерском крае, а оформление как национально-культурной автономии в Эстонии и признание в качестве коренного малочисленного народа в России — с полным его исчезновением.

Что касается русскоязычной составляющей этнолокальной группы Псково-Печерского края, то она тихо канула в Лету, как и многие другие подобные сельские группы восточноевропейского Нечерноземья.

Источники и литература

Акты согласительной комиссии территориально-административного разделения Ленинградской области, Латвийской и Эстонской ССР при организации Псковской области // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 31. Л. 92–111.

Алексеев Ю. В., Манаков А. Г. Народ сету: между Россией и Эстонией. М.: Европа, 2005. 104 с.

Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин: Валгус, 1980. 137 с.

Аун М., Киристая А. О вкладе краеведов в изучение древней истории Сетумаа (Печорского края) // Третьи Псковские региональные краеведческие чтения. Псков, 10–12 октября 2012 года / ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков; М.: Псковское региональное отделение Союза краеведов, 2013. С. 57–66.

[Вводная статья] // Псковский областной словарь с историческими данными / ред. кол. Б. А. Ларин и др. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 6–41.

Верняев И. И. Земледелие. Скотоводство // Историко-этнографические очерки Псковского края / под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. С. 61–75.

- Гурт Я. О псковских эстонцах или так называемых «сетукезах» // Изв. Имп. Русского географического общества. 1905. Т. XLI, вып. 1. С. 1–22.
- Засецкая М. Л. Роль культурно-гносеологической установки исследователя в реконструкции традиционной картины мира сету // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреневские чтения: сб. статей. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 303–320.
- Засецкая М. Л. Сету: история, культура, современные этнические процессы // Историко-этнографические очерки Псковского края / под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 269–285.
- Каск А. Х. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов // Вопросы этнической истории эстонского народа: сб. статей / под ред. Х. А. Моора. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956. С. 28–48.
- Костючук Л. Я. Псковские говоры и их изучение // Псков. Научно-практический и историко-краеведческий журнал. 2007. № 27. С. 33–39.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. Т. XV. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 285 с.
- Лебедев Е. Инородческий вопрос в Псковской губернии в связи с религиозно-политическим значением Псково-Печерского монастыря. Псков: Типогр. губернского правления, 1891. 33 с.
- Лопатин Н. В. О версиях периодизации и хронологии нижних горизонтов Труворого городища. // Изборск: история и современность: материалы научно-практической конференции «Музей как центр развития местных обществ. Имидж музея — открытость», посвященной 40-летию образования музея) / редкол. Е. В. Воронкова, В. П. Игнатьева. Изборск: Гос. историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск», 2005. С. 59–64.
- Миротворцев М. Об эстах или полуверцах Псковской губернии // Памятная книжка для Псковской губернии за 1860 год. II. Отдел историко-статистический. Псков: Типогр. губернского правления, 1860. С. 45–61.
- Никифорова Е. Граница как фактор формирования этнической общности? (на примере сету Печорского района Псковской области). URL: http://www.indepsocres.spb.ru/nikif_r.htm (дата обращения: 06.05.16).
- Новожилов А. Г. Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во 2-й половине XX в. (Печорский, Пыталовский, Палкинский районы) // Псков в российской и европейской истории: международная научная конференция. Т. 2. М.: Изд-во МГУП, 2003. С. 89–95.
- Новожилов А. Г. Население Псково-Печерского края как этнолокальная группа // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2009. Вып. 3. С. 94–110.
- Новожилов А. Г., Хрущёв С. А. Динамика социально-экономических процессов в районах, пограничных с Республикой Беларусь, Латвией и Эстонией // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 4. С. 230–242.
- Новожилов А. Г., Хрущёв С. А., Громова Ю. В. Современное состояние сету Печорского района по материалам этнологических исследований // Историко-этнографические очерки Псковского края / под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 285–292, 294–301.
- Об эстах в Псковской губернии // Прибалтийский листок. Ежедневная политическая, литературная и общественная газета. [Юрьев], 1894. № 4. С. 73.
- О сельскохозяйственном налоге в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 664. Л. 159–160.
- Пихо М. Э. Металлические украшения сету XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. 21 с.
- Полевые материалы автора 1998 г. Дневник Новожилова А. Г. № 1 // Архив кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета. Л. 1–96.
- Полевые материалы автора 2002 г. Дневник Новожилова А. Г. № 2 // Архив кафедры этнографии и антропологии антропологии Санкт-Петербургского государственного университета. Л. 1–96.
- Рихтер Е. В. Женская одежда сету // Известия АН Эстонской ССР. 1954а. Т. III, № 1. С. 51–68.
- Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arengujooni 19 ja 20 sajandil. Tallinn: NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1979. Lk. 90–125.
- Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIII / отв. ред. Н. Н. Чебоксаров, Л. Н. Терентьева. М.: Изд-во АН СССР, 1954в. С. 183–193.
- Рихтер Е. В. К вопросу об этнической истории сету // Известия АН Эстонской ССР. Сер. общественных наук. 1959. Т. VIII, № 4. С. 396–410.

- Рихтер Е. В.* Кто и как жил на земле Эстонии: этнографические очерки. Таллинн: Aleksandra, 1996. 96 с.
- Рихтер Е. В.* Материальная культура сету XIX — начала XX в. (к вопросу об этнической истории сету): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Таллин, 1961. 22 с.
- Рихтер Е. В.* Некоторые особенности погребального обряда сету // Советская этнография. 1979. № 2. С. 116–128.
- Седов В. В.* Изборск в Раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.
- Трусман Ю.* О происхождении Псково-Печерских полуверцев // Живая старина. 1897. Вып. I. Отдел I. С. 37–47.
- Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. 1890. Вып. I. Отдел I. С. 31–62.
- Хагу П. С.* Аграрная обрядность и верования сету: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 19 с.
- Хрущёв С. А.* Концепция демографического возрождения малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. СПб.: НИИГ СПбГУ, 1997. 48 с.
- Хрущёв С. А.* Современные этнодемографические процессы у малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. СПб.: НИИГ СПбГУ, 1996. 48 с.
- Шенников А. А.* Русское крестьянское каменное строительство // Архитектурное наследие. 1960. № 12. С. 183–207.
- Экспедиционный отчет Псково-Печерского этнографического отряда кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета за полевой сезон 1997 г. // Архив кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета. Л. 1–38.
- Эстония и Россия, эстонцы и русские — диалог / рук. авт. кол. П. Варес. Таллинн: [б. и.], 1998. 52 с.
- Buck V.* Petseri eestlased. Tartu: Postimees, 1909. 79 lk.
- Hartmann H.* Neuhausen und die Pleskouschen Esten // Das Inland (Dorpat). 1860. N 34. S. 625–630.
- Hurt J.* Setukeste laulud. Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud. In 3 vol. Helsingfors: Soome Kirjanduse Seltsi kulu ja kirjadega, 1904–1907 (vol. I — 1904, XL, 736, 88 lk., vol. II — 1905, XXVIII, 710, 168 lk., vol. III — 1907, X, 474, 137 lk.).
- Jääts I.* Setude etniline identiteet / Toim: Elle Vunder ; Tartu Ülikool, etnoloogia õppetool // Studia Ethnologica Tartuensia I. Tartu: Tartu Ülikool, 1998. 174 lk.
- Kiristaja A., Lillak A.* Põhja-Setomaa asustus muinasajal // Setumaa kogumik, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. Koost Mare Aun ja Merlin Lõiv. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut; TLÜ AI; MTÜ Arheoloogiakesku, 2012. lk. 59–89.
- Laul S., Valk H., Siksälä A.* Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval (CCC Papers, 10.) Tallinn; Tartu: University of Tartu; Institute of History and Archaeology, 2007. 237 lk.
- Ligi P.* Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9–16 sajand) // Vadjäpärased kalmed Eestis 9–16 sajandil. Toimetanud Valter Lang (Muinasaja teadus, 2). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1993. lk. 7–175.
- Manninen I.* Setude matusesõnaded // Eesti Keel. Emakeele Seltsi ajakiri (Tartu). 1924. № 1. Lk. 10–19.
- Markus E.* Changes on the Esto-Russifn Ethnographical Frontier in Petserimaa // Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft 1936. Tartu: Õpetatud eesti selts, 1938. Lk. 164–176.
- Mägiste J.* Petserimaalt, selle uurimisest ja setode päritolust // Meie maa 4. Eesti sõnas ja pildis. Lõuna-Eesti. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv, 1957. Lk. 165–173.
- Setumaa kogumik 1 // Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost. Koost Mare Aun. Tallinn: AI; MTÜ AK, 2003. Lk. 15–154, 219–252.
- Setumaa 2 Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Koost Heiki Valk, Anti Selart, Anti Lillak. Tartu: ERM, 2009. 480 lk.

References

- Akty soglasitel'noi komissii territorial'no-administrativnogo razdeleniia Leningradskoi oblasti, Latviiskoi I Estonskoi SSR pri organizatsii Pskovskoi oblasti [Acts of conciliation commission of territorial — administrative division of Leningradskay oblast, Latvian and Estonian SSR in the process of establishment of Pscovskaya oblast]. *Gosudarsvennyi arhiv Pskovskoi oblasti* [State Archive of Pskovskaya oblast'] (GAPO), f. P-903, op. 1, d. 31, ll. 92–111. (In Russian, unpublished)
- Alekseev Y. V., Manakov A. G. *Narod setu: mezhdru Rossiei I Estoniei* [Setu: between Russia and Estonia]. Moscow, Evropa Publ., 2005, 104 p. (In Russian)
- Aun M. *Kurgannye mogilniki Vostochnoi Estonii vo vtoroi polovine I tysiacheletia nashei ary* [Barrows of East Estonia in the second half of I millennium A. D.]. Tallin: Valgus Publ., 1980. 137 p. (In Russian).

- Aun M., Kiristaja A. O vklade kraevedov v izuchenii drevnei istorii Setumaa (Pecherskogo kraia) [About contribution of local studies in researches in the field of ancient history of Setuuma (Pechory area)]. *Tretii Pskovskie regional'nie chteniia* [Third Pscov's regional local history readings]. Pskov, 2012, oct. 10–12. Comp.-ed. T. V. Veresova. Pckov; Moscow, Pskovskoe otделение soiyya kraevedov [Pskov branch of the Ethnographes Union] Publ., 2013, pp. 57–66. (In Russian)
- Vvodnaya stat'a [Introductory article]. *Pskovskii slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskovskiy local dictionary with historical data]. Ed. board B. A. Larin etc. Issue 1. Leningrad, Leningrad State University Press, 1967, pp. 6–41. (In Russian)
- Verniaev I. I. Zemledelie. Skotovodstvo [Agriculture. Cattle husbandry]. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Pecherskogo kraia* [Historical-ethnographical essays of Pscovskiy kray]. Ed. by A. V. Gadlo. Pskov, POIP-KRO Publ., 1998, pp. 61–75. (In Russian)
- Hurt J. O pskovskikh estoncah ili tak nazyvaemykh «setukezakh» [About Estonians in Pscov or so called “Setukezy”]. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo obshchestva* [Review of Imperial Russian Geographic Society], 1905, vol. XLI, issue 1, pp. 1–22. (In Russian)
- Zasetckaia M. L. Rol' kul'turno-gnoseologicheskoi ustanovki issledovatel'ia v rekonstrukcii traditsionnoi kartiny mira setu [Role of cultural — epistemological guideline of scholar in reconstruction of traditional Terra mundi]. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Severo-Zapada. IV Shogrenovskie chteniia* [Historical-cultural landscape of North — West. 4th Readings for Andreas Shyogren]. Collection of science articles. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2011, pp. 303–320. (In Russian)
- Zasetckaia M. L. Setu: istoria, kul'tura, sovremnyye etnicheskie protsessy [Setu: history, culture, modern ethnic processes]. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Pskovskogo kraia* [Historical — ethnographical essays of Pscovskiy kray]. Ed. by A. V. Gadlo. Pskov, POIPKRO Publ., 1999, pp. 269–285. (In Russian)
- Kask A. Kh. K voprosu ob obrazovanii i gruppirovke estonskikh dialektov [About establishment and grouping of Estonian dialects]. *Voprosy etnicheskoi istorii estonskogo naroda. Sb. statey* [Questions of ethnic history of Estonians]. Ed. by H. A. Moora. Tallin, Estonian State Publishing House, 1956, pp. 28–48. (In Russian)
- Kostiuchuk L. Y. Pskovskie govory i ikh izuchenie [Pskov's dialects and their investigations] *Pskov. Nauchno-prakticheskii i istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pscov. Scientific-practical and historical and local studies magazine], 2007, no. 27, pp. 33–39. (In Russian)
- Kushner (Knyshev) P. I. Etnicheski territorii i etnicheskie granitsy [Ethical territories and ethnical borders]. *Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-maklaia AN SSSR* [Works of Ethnographical Institute AN SSSR named by N. N. Miklouho-Maklay]. New series, vol. XV. Moscow, Academy of Seinces Publ., 1951, 285 p. (In Russian)
- Lebedev E. *Inorodcheskii vopros v Pskovskoi gubernii v sviazi s religiozno-politicheskim znacheniem Pskovo-pecherskogo monastyria* [Questions of foreigners in Pskovskaya in relation to religious — political significance of Pscovo-Pechorskiy monastery]. Pskov, Tipografiia gubernskogo pravlenia [Print. House of Provincial Dartament], 1891, 33 p. (In Russian)
- Lopatin N. V. O versiiakh pereodizatsii v khronologii nizhnikh gorizontov Truvorogo gorodishcha [About versions of periodization and chronology of subsurfaces of Truvorogo hillfort]. *Izbornik: istoriia i sovremennost': Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii “Muzei kak centr razvitiia mechnykh obshchestv. Imidzh muzeia — otkrytoct'”, povvashchonnoi 40-letiiu obrazovaniia muzeia* [Izbornik: history and contemporaneity: materials of conference “Museum as center of development of local communities. Image of museum — openness”, dedicated to 40 years' anniversary of establishment of museum]. Eds board E. V. Voronkova, V. P. Ignat'eva. Izborck, Publ. by State Historical-Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve “Izbornik”, 2005, pp. 59–64. (In Russian)
- Mirovtortcev M. Ob estakh ili poluvencfkh Pskovskoi gubernii [About Estonians and “poluvertzy” in Pskovskaya guberniya]. *Pamiatnaia knizhka dlia Pskovskoi gubernii za 1860 god. II. Otdel istoriko-statisticheskii* [Memorial book for Pskov Province. II. Historical-statistic department]. Pskov, Tipografiia gubernskogo pravlenia [Print. House of Provincial Dartament], 1860, pp. 45–61 (In Russian)
- Nikiforova E. *Granitsa kak factor formirovaniia etnicheskoi obshchnosti (na primere setu Pecherskogo raiona Pskovskoi oblasti)* [Borderline as the factor of formation of ethnical collectivity (example of Setu in Pechorskiy district of Pscovskaya oblast)]. Available at://http://www.indepsocres.spb.ru/nikif_r.htm (accessed 06.05.16) (In Russian)
- Novozhilov A. G. Dinamika traditsionnoi kul'tury sel'skogo naseleniia Pskovskogo pogranich'ia vo 2-oi polovine XX v. (Pecherskii, Pytalovskii raiony) [Dynamics of traditional culture of rural population of border of Pscov in the 2nd half of 20 c. (Pechorskiy, Pytalovskiy, Palkinskiy districts)]. *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii: mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Pscov in Russian and European history:

- International scientific conference*]. Vol. 2. Moscow, State Moscow University of Printing Arts (MGUP) Press, 2003. pp. 89–95. (In Russian)
- Novozhilov A. G. Naselenie Pskovo-Pecherskogo kraia kak etnolokal'naiia gruppa [Population of Pskovo — Pechorskiy area as ethnolocal group]. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Series 2. 2009, issue 3, pp. 94–110. (In Russian)
- Novozhilov A. G., Hrushchov S. A. Dinamika sotcial'no-ekonomicheskikh protsessov v raionah pogranichnykh s respublikoi Belarus' Latviei i Estoniei [Dynamics of social — economic processes in districts which have borders with Belarus, Latvia and Estonia]. *Vestnik of Russian Humanitarian Scientific Fond*, 2007, no. 4, pp. 230–242. (In Russian)
- Novozhilov A. G., Hrushchov S. A., Gromova Y. V. Sovremennoe sostoianie setu Pecherskogo raiona po materialam etnologicheskikh issledovaniy [Modern condition of Setu in Pechorskiy district, Materials of ethnographic researches]. *Istoriko-etnologicheskie ocherki Pskovskogo kraia [Historical — ethnographical essays of Pscovskiy kray]*. Ed. by A. V. Gadlo. Pskov, POIPKRO Publ., 1999, pp. 285–292, 294–301. (In Russian)
- Ob estakh Pskovskoi gubernii [On the agricultural tax in the Lithuanian, Latvian and Estonian SSR]. *Pribaltiyskiy listok [Baltic facts heet]*. Weekly political, literary and public newspaper (Yr'ev), 1884, no. 4, p. 73. (In Russian)
- O selskohozyajstvennom naloge v Litovskoy Latvijskoy i Ehstonskoy SSR [About Estonians in Pskovskaya gubernia]. *Gosudarsvennyi arhiv Pskovskoi oblasti [State Archive of Pskovskaya oblast']* (GAPO), f. P-903, op. 1, d. 664, ll. 159–160. (In Russian, unpublished)
- Piho M. E. *Metallicheskie ukrasheniia setu XIX–XX vv. [Metallic accessorizes of Setu in 19th–20th centuries]*: Abstract of PhD Diss. St. Petersburg, 1997, 21 p. (In Russian)
- Polevye materialy aftora 1998 g. Dnevnik Novozhilova A. G. [Field materials of author 1998 y. Diary of Novozhilov A. G. 1]. *Archive of Department of Ethnography and Anthropology in St. Petersburg State University*, ll. 1–96. (In Russian, unpublished)
- Polevye materialy aftora 2002 g/ Dnevnik Novozhilova A. G. [Field materials of author 2002 y. Diary of Novozhilov A. G. 2]. *Archive of Department of Ethnography and Anthropology in St. Petersburg State University*, ll. 1–96. (In Russian, unpublished)
- Rikhter E. V. Zhenskaia odezhda setu [Female clothes of Setu]. *Izvestia AN Estonskoi SSR [News of the Estonian Academy of Sciences]*, 1954a, vol. III, no. 1, pp. 51–68. (In Russian)
- Rikhter E. V. Integratsia setu s estonskoi natsiei [Integration of Setu in Estonian nation]. *Eesti talurahva majanduse ja olme arenguajoni 19 ja 20 sajandil [The Estonian peasant economy and domestic developments, 19th and 20th centuries]*. Tallinn, Publ. by NSV Academy of Sciences Institute of History, 1979, lk. 90–125. (In Russian)
- Rikhter E. V. Itogi etnograficheskoi raboty sredi setu Pskovskoi oblasti letom 1952 g. [Resume of ethnographic work among Setu of Pskovskiy kray in summer 1952]. *Materialy Baltiiskoi etnografo-antropologicheskoi ekspeditcii (1952–1954). Trudy Institute etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaia [Materials of Baltic ethnographical-anthropological expedition (1952 y). Works of Ethnographical Institute AN SSSR named by N. N. Miklouho-Maklay]*. New series, vol. XXIII. Moscow, Academy of Seinces SSSR Publ., 1954b, pp. 183–193. (In Russian)
- Rikhter E. V. K voprocui ob etnischekoi ictorii setu [About the question of ethnic history of Setu]. *Izvectiia Akademii Nauk Estonckoi SSR [Review of the Estonian Academy of Seinces]*. Series “Social Sciences”. 1959, vol. VIII, no. 4, pp. 396–410. (In Russian)
- Rikhter E. V. *Kto i kak zhil na zemle Estonii: etnograficheskie ocherki [Who and how have lived in the territory of Estonia: Ethnographic essays]*. Tallinn, Aleksandra Publ., 1996, 96 p. (In Russian)
- Rikhter E. V. *Material'naia kul'tura setu XIX — nachala XX v. (k voprosu ob etnischekoi istorii setu) [Material culture of Setu in 19th — beginning of 20th c. (about ethnic history of Setu)]*: Abstract PhD Diss. Tallin, 1961, 22 p. (In Russian)
- Rikhter E. V. Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obriada setu [Some characteristics of obsequies of Setu]. *Sovetskaia etnjgrafiia [Soviet Ethnography]*, 1979, no. 4, pp. 116–128. (In Russian)
- Sedov V. V. *Izborck v rannem crednevekove [Izborsk in the early Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, 424 p. (In Russian)
- Trusman Yu. O proiskhozhdenii Pskovo-Pecherskikh poluvertcev [About origins of “poluvertzy” in Pscovo-Pechorskiy area]. *Zhivaia starina*, 1897, issue I, series I, pp. 37–47. (In Russian)
- Trusman Yu. Poluvertcy Pskovo-Pecherskogo kraia [“Poluvertzy” of Pscovo-Pechorskiy area]. *Zhivaya starina*, 1890, issue I, series I, pp. 31–62. (In Russian)
- Khagu P. S. *Agrarnaia obriadnost' setu [Agricultural ritualism and beliefs of Setu]*: Abstract of PhD Diss. Leningrad, 1983, 19 p. (In Russian)

- Hrushchov S. A. *Kontseptciia demograficheskogo vrozozhdeniia malochislennyh finno-ugorskih narodov Severo-Zapada Rossii* [Concept of demographical reappearance of thin Finno-Ugric peoples in North-West of Russia]. St. Petersburg, Publ. by St. Petersburg State University Scientific Research Institute of Geography, 1997, 48 p. (In Russian)
- Hrushchov S. A. *Sovremennye etnodemograficheskie protsessy u malochislennyh finno-ugorskih narodov Severo-Zapada Rossii* [Modern ethno demographic processes of thin Finno-Ugric peoples in North-West of Russia]. St. Petersburg, Publ. of St. Petersburg State University Scientific Research Institute of Geography Publ., 1996, 48 p. (In Russian)
- Shennikov A. A. Russkoe krest'ianskoe kamennoe stroitel'stvo [Russian peasant stone constructions]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage], 1960, no. 12, pp. 182–207. (In Russian)
- Ekspeditsionnyi otchet Pskovo-Pecherskogo etnograficheskogo otriada kafedry etnografii i antropologii SpbGU za polevoi sezon 1997 g. [Expeditionary report of Pskovo-Pechorskiy ethnographical brigade from Department of Ethnography and Anthropology in St. Petersburg State University (field season 1997)]. *Arhiv kafedry etnografii i antropologii SpbGU* [Archive of Department of Ethnography and Anthropology of St. Petersburg State University], ll. 1–38. (In Russian, unpublished)
- Estoniia i Rossiia, estontcy I russkie — dialog* [Estonia and Russia, Estonians and Russians — dialogue]. Ed. by P. Vares. Tallin, [s.n.], 1998, 52 p. (In Russian)
- Buck V. *Petseri eestlased* [The Estonians of Pechory]. Tartu, Postimees Publ., 1909, 79 p. (In Estonian)
- Hartmann H. Neuhausen und die Pleskouschen Esten [Neuhausen and the Pskov's Estonians]. *Das Inland* [Domestic] (Dorpat), 1860, no. 34, pp. 620–630. (In German)
- Hurt J. *Setukeste laulud. Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud* [Setu songs. Pskov-Estonian old folk songs]. In 3 vols. Helsingfors, Soome Kirjanduse Seltsi kulu ja kirjadega [Finnish Literature Society and the cost of letters], 1904–1907 (vol. I — 1904, XL, 736, 88 p.; vol. II — 1905, XXVIII, 710, 168 p.; vol. III — 1907, X, 474, 137 p.) (In Estonian)
- Jääts I. Setude etniline identiteet [The Setu's ethnic identity]. Ed. by Elle Vunder. Tartu University, Chair of Ethnology. *Studia Ethnologica Tartuensia* I. Tartu, Tartu University Press, 1998, 174 p. (In Estonian)
- Kiristaja A., Lillak A. Põhja-Setomaa asustus muinasajal [North Setomaa in ancient times was inhabited]. *Setumaa kogumik*, 5. *Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja rahvakultuurist* [Setomaa collection, 5. Research Setomaa nature, history and people]. Eds Koost Mare Aun, Merlin Lõiv. Varska, Publ. by SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ Arheoloogakeskus, 2012, pp. 59–89. (In Estonian)
- Laul S., Valk H., Siksälä A. *Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval* (CCC Papers, 10.) Tallinn; Tartu, Publ. by University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007, 237 p.
- Ligi P. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9–16 sajand) [The votian burial grounds in North-East Estonia (9th–16th century)]. *Vadjapärased kalmed Eestis 9–16 sajandil* [The votian burial grounds 9th–16th centuries]. Ed. by Valter Lang. (Prehistoric research, 2). Tallinn, Academy Publ. House, 1993, pp. 7–175. (In Estonian)
- Manninen I. Setude matusekommetest [Setu's funeral rite]. *Eesti Keel. Emakeele Seltsi ajakiri* [Estonian Language. The native language Society magazine] (Tartu), 1924, no. 1, pp. 10–19. (In Estonian)
- Markus E. Changes on the Esto-Russifn Ethnographical Frontier in Petserimaa *Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1936 [Meeting reports of the learned Estnischen Society] 1936. Tartu, Publ. of Õpetatud eesti selts [Learned Estonian Society], 1938, pp. 164–176.
- Mägiste J. Petserimaalt, selle uurimisest ja setode päritolust [Petserimaa, its investigation and the language of setu]. *Meie maa 4. Eesti sõnas ja pildis. Lõuna-Eesti* [Our land 4. Estonian words and pictures. South Estonia]. Lund, Eesti Kirjanike Kooperatiiv [Estonian Writers' Cooperative] Publ., 1957, pp. 165–173. (In Estonian)
- Setumaa kogumik*, 1 [Setomaa collection 1]. *Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloo* [Study about Setomaa archaeology, numismatics, Ethnology and History]. Ed. by Mare Aun. Tallinn, Publ. of AI, MTÜ AK, 2003, pp. 15–154, 219–252. (In Estonian)
- Setumaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920 aastani* [Setomaa 2. The older history from ancient times until 1920 years]. Eds Heiki Valk, Anti Selart, Anti Lillak. Tartu, Publ. of ERM, 2009, 480 p. (In Estonian)

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.